

ТЕНЬ ЧЁРНОГО ТОПИ

ВАЛЕНТИНА САДЫКОВА

Валентина Садыкова

ТЕНЬ ЧЁРНОГО ТОПИ

<https://litres.ru/74424538>

SelfPub; 2026

Аннотация

В глухом и проклятом крае Чёрный Верх, где грань между миром живых (Правью) и мертвых (Навью) истончилась до предела, бесследно исчезает шестнадцатилетняя Рада. Ее брат Ратмир отправляется на поиски в непроходимые топи, где давным-давно правят древние суровые боги и жуткие твари из славянского фольклора — русалки-озерницы, полуночницы и сам Хозяин Топи.

Вооружившись древним ножом из «небесного железа», Ратмир пробивается к Чёрному Острову через ловушки и морочные чары. Однако у магического клинка есть страшная цена: с каждым побежденным чудовищем и с каждым шагом к цели он платит собственными воспоминаниями, человеческими чувствами и самой своей душой.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Валентина Садыкова

ТЕНЬ ЧЁРНОГО ТОПИ

Глава

ТЕНЬ ЧЁРНОГО ТОПИ

Пролог. Век забытых богов

В тех краях туман не поднимается к солнцу. Он стелется по мху, тяжелый, пахнувший гнилой хвоей, сырой глиной и старой кровью. Старики из прибрежных деревень говорили: если туман пахнет железом — сиди в избе, задвигай засов и не гляди в окно, сколько бы кто ни звал снаружи родным голосом.

Земля на триста верст вокруг называлась Чёрным Верхом. Ни княжеские дружины, ни лесничие, ни геологоразведчики в советские годы так и не смогли подчинить себе этот край. Здесь до сих пор всё дышало веком, когда люди не знали латыни и греческих букв, а резали чёрты и резы на кости, молясь тем, у кого нет имён, а есть только прозвища: Тот, Кто За Деревом; Озерница; Гнилой Коляда.

Ратмир стоял у края топи, когда вечер сужался в узкую арую полоску над верхушками столетних елей. Ему было восемнадцать, но глаза смотрели по-стариковски сухо и тяжело. В руках он сжимал резной костяной оберег — чуров зуб,

переданный бабкой перед тем, как её тело, изъеденное немочью, сгорело в утреннем тумане прямо во дворе собственной избы.

— Не ходи за реку, Ратмирка, — шептала она перед смертью, когда изо рта её вместо дыхания уже вырывался серый пар, похожий на болотный дымок. — Там Навь с Правью в узлы связываются. Там забыли, как человека жалеть. Если встретишь Полуночницу — глаз не поднимай. Посмотришь в лик — сам станешь shadow, навек привязанной к сухой осине.

Но Ратмир не мог не пойти. Его младшая сестра, Рада, исчезла три дня назад. На её кровати нашли лишь пук сухой куги, перевитый человеческим волосом, да горсть речного ила, который не сох, даже когда его бросали в пылающую печь.

Лес молчал. Это было не то тишь, когда птицы засыпают перед ночной прохладой. Это была мертвая, давящая глухота, будто огромная тварь прижала ладонью всю тайгу и выжидала, когда человек сделает первый неосторожный шаг.

Глава 1. Запах змеиноного молока

Воздух становился всё гуще. Каждое дыхание давалось с трудом, словно в грудь забивали мокрую паклю. Ратмир шел вдоль ручья, который местные называли Выюницей. Вода в нем была настолько черной, что не отражала ни неба, ни деревьев, лежащих по берегам.

Деревня Чертоги осталась позади — сгусток покосившихся изб с заколоченными ставнями. В Чертогах давно не рождались дети. Когда кому-то из деревенских приходил срок умирать, к дому приходила старая русалка — не та красавица с зелеными волосами из сказок, а костлявая, покрытая чешуей и язвами тварь с рыбьими глазами без зрачков. Она стучала длинным костяным пальцем в бревенчатую стену, и человек в тот же час заговаривался, загонял под ногти сухие иголки и уходил в лес.

Ратмир поправил за спиной топор. Стали он верил больше, чем шепоткам бабки, хоть и понимал: против того, что живет в глуши, железо помогает далеко не всегда.

Вдруг сбоку, из самого гущака, где сплелись в плотный узел корни поваленной бурей березы, раздался хруст. Не треск сухой ветки под ногой зверя, а неторопливое, осмысленное перемалывание костей.

— Ратмирка... — донесся тихий, капризный голос.

Парень замер. Кровь в жилах превратилась в лед. Голос принадлежал Раде. Точно так же она звала его дома, когда просила достать с верхней полки глиняную крынку с мёдом или пугалась ночной грозы.

— Рада? — выдохнул он, вопреки слову бабки поворачивая голову к бурелому.

— Ножки болят, Ратмирка... Подойди. Тут темно и сыро. Они меня мохом обкладывают, чтобы не мерзла...

Он сделал шаг в сторону хмызника. Нога провалилась по

колено в холодную, чавкающую грязь. Запахло змеиным молоком — сладковатым, тошнотворным духом, который бывает только у гнездилищ лесных гадюк перед мором.

В тени корней что-то шевельнулось. Это была не девчонка. На гнилом пне сидело создание, отдаленно напоминающее человека, но плечи его были слишком длинными, а локти сгибались в обратную сторону. Лицо белело в темноте, как вымоченное в извести полотно, и на этом полотне не было ни носа, ни губ — только два глубоких провала и узкая щель, из которой торчал раздвоенный, капающий слизью язык.

— Не твоя это сестра, дурак, — раздался сзади сухой, как шелест опавшей листвы, голос.

Ратмир резко обернулся, вскидывая топор.

За его спиной стоял старик в рваном армяке, подпоясанном лыковым мочалом. В одной руке он держал сучковатую палку, на конце которой висела черепная коробка волка с горящим внутри углями, а в другой — пучок засохшей полыни.

— Глаза зажмурь и не слушай! — гаркнул старик с неожиданной для его лет силой и взмахнул полынью.

Тварь у бурелома истошно верескнула — звук был похож на визг свиньи, которую режут тупым ножом. Ратмир зажмурился, чувствуя, как по щекам текут слезы от резкого, жгучего дыма, вспыхнувшего от палки старика. Лес вокруг заходил ходуном, деревья застонали, будто по ним прошлась

невидимая волна тяжелого пара.

Когда всё утихло, старик подошел ближе и ткнул Ратмира палкой в грудь:

— Жив, подпасок? А ведь чуть не стал харчем для Нави. Пошли, пока Жердьяй не проснулся. Он ночью по просекам бродит, головой выше сосен, всё ищет, кого бы в кулак сжать да в труху перетереть.

— Кто ты? — задыхаясь, спросил Ратмир, вытирая рукавом лицо.

— Зови Дедом Свиридом. Кабы не бабка твоя, Лукерья, что мне тридцать лет назад ноги заговорила от черной немочи, лежал бы ты сейчас рядом с той тварью и мох из собственного брюха выковыривал. Пошли. У меня землянка близко, за кручей. Там обереги крепкие, переночуем.

Глава 2. Землянка под осиновым корнем

Тропа вниз шла круто, сквозь густые заросли плакучего ольшаника. Земля здесь проседала под ногами, оставляя глухие, булькающие следы. Дед Свирид шел быстро, несмотря на годы: сутулый, легкий, словно сухой лист, подхваченный порывом ветра. Волковый череп на его посохе слегка покачивался, и угольки внутри костяной глазницы тлели ровным, ало-золотистым светом, рассекая густую ночную тьму.

— Под ноги гляди, Ратмирка, — не оборачиваясь, бросил старик. — Тут глина живая. Оступишься — затянет до самого бедра, а под глиной — кости тех, кто в прошлую пору

за морошкой ходил да не вернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.